

Алексей ПЕНДРАКОВСКИЙ

Родился в 1992 году в Москве в семье кинематографистов. Окончил исторический факультет Московского педагогического университета по специализации «Основы русской православной культуры». Работал экскурсоводом, руководителем краеведческого кружка.

Пишет рассказы, повести. Лауреат конкурса «Северная звезда» (2014) в номинации «Проза». Публиковался в журнале «Север». По повести «Делать нечего» снят одноименный короткометражный фильм (2023).

Живёт в Москве.

ПОЕХАВШИЙ

1

Такси пробиралось сквозь метель. Авто вокруг боролись за пространство, словно позади них наступали танки; в потоке красных огней шустрила васильковая мигалка скорой помощи. Проносились окна близлежащих зданий, рекламные щиты, указатели, фонарные столбы.

Задумавшись о жизни, Роман Отингеев чуть не угодил в аварию: ещё немного, и «поцеловался» бы с длиннющей фурой из соседнего ряда. Он осторожно, искоса взглянул на клиента, сидевшего рядом на переднем сиденье: тот с укором покачал головой и едва заметно шевельнул губами.

– Всё нормально! – буркнул Отингеев, как бы успокаивая его и себя. – Нормально всё!

– Не сомневаюсь, – с кривой ухмылкой отозвался мужчина в костюме. – Вы, главное, поосторожней... Мне сейчас в аварию попадать нельзя.

– Да у меня ни одной аварии не было! – воскликнул Роман. – Хотя козлов на дорогах... А у меня ни одной царапины... Тьфу, тьфу, тьфу! В этот момент он втопил педаль газа и лихо рванул наперерез замешкавшейся Audi.

Весь день Отингеева одолевало желание уснуть – припарковаться где-нибудь да откинуться на заднем сиденье. Чтобы бороться с этим, он вспоминал расстановку московского ЦСКА. Прикидывал, что поменял бы, окажись на посту главного тренера. В движении машин углядывал некие параллели с тем, как взаимодействуют на футбольном поле игроки.

– Сука одна на меня нажаловалась, – вдруг поделился Отингеев с пассажиром. – Ехали мы с ней по Рязанке, а там... На BMW дебил какой-то в меня чуть не врезался. Так, представляете, баба эта, которую я вёз, начала на меня гнать. Дескать, это я не умею водить. Ну я и сказал ей пару ласковых, знаете. На эмоциях, конечно... Дело понятное, пока аварию оформляют, то да сё, времени много уйдёт. А вы куда спешите? Вы сказали, вам в аварию попасть нельзя...

– Что, простите? – нахмурился пассажир.

– Да так, вы не подумайте! Просто интересно. Событие важное?

– Ну, не сказать, что прямо событие... Хотя, может, так и есть. Переговоры! – наконец прямо ответил пассажир. – Если опоздаю, то, вполне возможно, потеряю много денег.

– А кому сейчас легко? – вздохнул Отингеев.

Проехав еще немного, он резко затормозил перед пешеходным переходом, который будто нарочно медленно пересекала укутанная в лохмотья фигура.

– Ну, быстрее! Быстрее! – злился водитель.

Наконец такси снова тронулось. Отингеева потянуло на разговоры.

– А вы не беспокойтесь насчёт переговоров, – начал он, искоса взглянув на пассажира. – Опаздывая, вы заставляете людей ждать, ставите их в зависимое положение. Мне это друг мой, Павел Геннадьевич, не раз говорил. Он человек серьезный, руководитель большой, знаете... Говорит, многие политики специально опаздывают на встречи... для статуса...

– Статус... – уткнувшись глазами в экран смартфона, отстраненно промолвил мужчина. – У меня с этим всё нормально... со статусом. Мне такие приемчики не нужны. А чем, если не секрет, руководит ваш Павел Геннадьевич?

– Как один философ сказал, знаете, – будто не услышав вопроса, продолжал Отингеев, – нужно уметь превращать «так случилось» в «я этого хотел».

– Так «случилось» в «я хотел»? – усмехнувшись, повторил за ним мужчина, по-прежнему глядя в телефон.

– Да, – подтвердил Отингеев. – И знаете почему? Это делает человека неуязвимым. Не в прямом смысле слова, конечно... Не от пули, например... а от обстоятельств жизненных. Это можно и к переговорам применить, и к чему угодно... Смотрели, как наши вчера словенцев обыграли?

– Что?.. – сперва не понял пассажир. – А! Не, я не видел, – пробормотал он, занятый телефоном.

Он явно находился в некотором замешательстве от столь быстрых поворотов в разговоре.

– Все так восхищаются игрой... ну, журналисты, эксперты. – Роман кинул взгляд по зеркалам, оценивая ситуацию на дороге. – А как по мне, игра серая, скучная... Словения размером, наверное, с Самару. Чем тут гордиться?.. Ну да ладно... А насчёт переговоров я вам сказал. Не переживайте, сильно не опоздаете, а если чуть-чуть – полезно даже!

Отингеев наконец убедился, что мужчина не горит желанием общаться, и замолчал. Когда стояли на светофоре, водитель искоса из любопытства взглянул на его лицо – самодовольное, с крупными скулами, тонкими губами, квадратным подбородком. Отингеев принялся к парфюму, которым пользовался этот субъект, и признался себе, что давно такой приятный аромат не проникал к нему в такси.

Машина колесила по проспекту. Над проезжей частью нависали огромные баннеры, рекламирующие страховку, медицинские клиники, пену для бритья. Один из них предупреждал об опасности превышения скорости. На нём был изображен покореженный автомобиль, Отингеев узнал на баннере марку своей машины – Skoda Rapid. А внизу надпись: «Скорость убивает!»

Наконец такси прибыло в пункт назначения. Пассажир, расплачиваясь, с нескрываемой издёвкой спросил у водителя:

– А вы-то сами превращаете... как там?.. «так вышло» в «я так хочу»?

– Я? – растерялся на мгновение Роман, но тут же нашёлся. – Я – каждый день! – ответил без тени сомнения.

Телефон подал сигнал – пришла оплата поездки. Захлопнулась дверь авто, Отингеев тронулся и почти сразу встроился в поток машин, нагло втиснувшись между КамАЗом и «жигулями». На въезде в Москву намечались большие пробки. Метель становилась всё гуще; огни домов, фонари и фары сливались друг с другом в разноцветные мазки.

Ещё не приняв новый заказ, Отингеев мчался куда-то, огибая другие авто. Выкручивая руль, он корчил гримасы и ругался вслух:

– Козёл! Да пошёл ты! Переговорщик хренов!.. На такси ездит он!.. Да Павлу Геннадьевичу расскажи про этого клоуна – со смеху лопнет!

2

Следующим пассажиром стал худощавый юноша с зелёной шевелюрой. Отингеев терпеть не мог эту моду красить волосы, втыкать в морду пирсинг или накалывать на кожу чёрт знает что.

Уставившись на дорогу, он неожиданно спросил с раздражением:

– За футболом следишь?

– Не, – сразу откликнулся парень.

– Понятно, – словно приговорив его к чему-то, заключил Отингеев.

Когда стояли на красный, он случайно поймал своё отражение в зеркале. Впалые щеки, потрескавшиеся губы, бледная, будто у мертвеца, кожа – будто призрака увидел.

Наконец двинулись на зелёный.

– Куда лезешь, паскуда! Не пуцу! – ругался Отингеев. Затем обратился к юноше: – Вот скажи мне, чем ваше поколение интересуется?

– Да кто чем, – смущённо ответил парень, – не могу говорить за всех.

– А если не за всех? Если за себя?

– Ну, мне лично музыка нравится.

– Музыка... Какая? – явно цеплялся к парню Отингеев.

– Да вы вряд ли в курсе про таких исполнителей... – тому не хотелось вдаваться в детали.

– Что правда, то правда. Иногда из машин доносится такое дерьмо, знаешь?.. Такая деградация вокруг! – Ехали прямо; Отингеев, немного расслабившись, на секунды выпустил из рук руль. – Твердят в этих дебильных песнях одно и то же! Ни текста, ни мелодии!.. – продолжал разглагольствовать он. – Вкус дурной у народа стал. То есть я, конечно, понимаю каждый, как он хочет... Вот ты, к примеру... Просто интересно мне... Зачем волосы красишь?

– Нравится, – пробубнил парень.

Было видно, что его смущают эти расспросы, но Отингеев не унимался:

– Чтобы выделяться из толпы? Так выделяться другим надо! Умением, эрудицией, навыками. А волосы покрасить – это несложно, знаешь! Это на раз-два! Сложнее книжки читать, информации набираться! Вот Макиавелли ты читал?

– Ну так, слышал что-то, – нервно усмехнувшись, отозвался парень. Он поглядывал на водителя с опаской, как на пьяного.

– Почитай, – советовал Отингеев, – поймешь, как устроена политика, кто нами руководит на самом деле! – Произнес он это с важным видом, будто обладал ценнейшим знанием, которым, однако, не спешил делиться.

На Кутузовском проспекте движение было на удивление быстрым. В метели проглядывались горделивые сталинки, небоскрёбы Москвасити и памятники; как мираж, возникли и растворились в падающем снеге Триумфальные ворота.

– Поймешь нашу страну, если Макиавелли считаешь, – продолжил вещать Отингеев. – Любое государство – это как большая компания... корпорация, знаешь ли... Какое руководство – такие и результаты. Вот моя конторка любит штрафовать по жалобам всяких паскуд... Мотивирует это? Павел Геннадьевич, друг мой один, большой руководитель, всегда умел настроить подчинённых, не то что эти! Эти фуфелы умеют только отбить охоту к делу. Всю жизнь нас ни во что не ставили, всегда о нас ноги вытирали!.. – Последнюю фразу Отингеев сказал в запале неожиданно для себя, отчего и сам на мгновение обомлел.

На светофоре он протянул юноше свой телефон. Тот взял его неохотно, как из рук большого чумой. На заставке экрана было фото симпатичной блондинки на фоне заката и пальм.

– Это моя дочь, – сообщил Роман, – в Штаты уехала.

– Красивая, – вымолвил парень.

– А то! Во Флориде живёт, на юриста учится. Глядишь, там и останется. А может, и сюда вернётся... с западным дипломом-то, знаешь!.. Она на психолога поступать хотела, а я сразу сказал, что психологи эти – балаболы все! Толку от них нет. И на работу с таким дипломом хрен устроишься, только если мужика с деньгами охмурить какого-нибудь... Но это и без диплома ведь можно! А так – вода водой! Нормальный человек на приём к ним не пойдёт! Только полупокер какой-нибудь, чтоб поплакаться о том о сём. Хотя понятно, кому сейчас легко?.. Слава богу, и жена моя бывшая, и муж её нынешний – все они того же мнения!

Выговорившись, Отингеев включил отрывок радиопередачи, что крутили с утра: женщина ледяным голосом читала столичные новости. А сам Отингеев думал о фразе про вытирание ног. Откуда она взялась? Каким неизвестным образом зародилась в его сознании? Ему вспомнились строки Маяковского о том, как слова выбрасываются из обгорающего рта, подобно голым проституткам. Роман наткнулся на эту цитату в школьные годы, листая от нечего делать какой-то сборник, а запомнилась она ему благодаря слову «проститутка».

Отингеев поглядывал на спидометр, он показывал около восьмидесяти километров в час. Ему же казалось, будто он ехал не меньше ста – ста десяти. Это несоответствие своих ощущений и того, что показывает стрелка, занимало его разум остаток пути. Высадив пассажи-

ра, Отингеев поехал дальше. Он медленно набирал скорость, пытаясь прочувствовать, как она нарастает.

– Хренью маюсь! Спать надо больше! – заключил он вслух и посмотрел на телефон: пришёл новый заказ.

3

Вечером в машину Отингеева села шумная компания из трёх девушек. Направлялись они по адресу Петровский бульвар, дом шесть, в пути распивали бутылку вина. Метель за окном ненадолго прервалась, свет фонарей стал ярче.

– На гулянку едете? – спросил Роман.

– Да, – отозвалась самая громкая из девиц.

– А что без кавалеров? – ухмыльнулся он. – Или кавалеры на гулянке объявятся?

Пассажирки в ответ расхохотались. Отингеев, довольный собой, продолжил:

– А я вот всё жду, когда домой приеду! В чан с пивом окунуться! Не в буквальном смысле, конечно. Так... бутылочку-другую, знаете... Павел Геннадьевич, сожитель мой, тоже любит на грудь принять... Нет, вы не подумайте! Мы мужики нормальные, но живём вместе. Так нас жизнь свела... Он, правда, руководитель большой, на работе нервы сплошные, стресс, возраст... Как в рекламе, помните?... Иногда приходит злющий... Но я тоже не подарок, знаете, иначе б от меня жена не ушла. Павел Геннадьевич меня обещал в автопарк к себе пристроить. Там и зарплаты хорошие, и отношение к персоналу подобающее. Мы с ним уже знакомы лет двадцать. Он руководил одной фабрикой в Калуге, а я у него был водителем. Славные времена! Жёны наши дружили, дети... Хорошо он в Москву переехал, объявился. Бывает же!.. А вы, девчонки, чем занимаетесь? Работаете? Учитесь?

– Учимся, – ответили девушки.

– На кого? Не на психолога, надеюсь? – уточнил Отингеев.

– Нет, на художниц.

– А... Ну, это дело интересное, творческое. Богема, короче. Хотя мне кажется, что художников заменят компьютеры. В смысле каждый сможет рисовать как Пикассо. Но художники – это всяко лучше, чем психологи!.. У меня дочка во Флориде живёт, на юриста учится. Потом, глядишь, сюда вернётся. С западным дипломом!

– Надеюсь, нас не заменят компьютеры! – приложившись к вину, сказала голосистая девица. – Кстати, я бы на вашем месте тоже не расслаблялась. Вместо людей машины буду водить роботы!

– Возможно, – кивнул Отингеев, – но юристов они заменят не скоро... Надеюсь, по крайней мере...

Погрузившись в размышления о дочери, Отингеев чуть не врезался в снегоуборочную машину.

Та, что самая голосистая, взвизгнула и сказала:

– Вы осторожней, пожалуйста!

– Нормально. Нормально всё, – пробормотал Роман, успокаивая её и себя.

4

Последний в тот день клиент Отингеева, щекастый мужчина в очках, спешил в «Шереметьево».

– Прошу вас, как можно быстрее. За час вроде успеем? – беспокоился он. – Сейчас пробки, небось, такие!.. – На лбу его от волнения проступил пот.

– Да ладно, не переживайте, – улыбнулся Роман. – Кому сейчас легко?

– Что верно, то верно, – тяжело дышал клиент, – уж постарайтесь! А то опаздываю... Ух, кто долго собирается – тот бежит!

Машины продвигались медленно. Казалось, что, если хотя бы одна из них совершит неправильное движение, поток остановится. Отингеев лавировал решительно и продуктивно, выжидая идеальный момент и улучшая позицию на укрытой снегом дороге.

– Хорошо идём вроде. – Мужчина расстегнул куртку, взглянул на часы на запястье.

Роман, бросив на него задумчивый взгляд, поинтересовался:

– Куда летим?

– В «Шереметьево».

– Да это я понял! Куда летите, спрашиваю?

– А!.. Совсем задёргался! В Киев через Минск, брат! Завтра на работу!

На полосе, ведущей в Москву, врезались Toyota Camry и «УАЗ Патриот». Кузова обоих были приплюснуты; сверху на груды металла усердно валил снег.

– И как они так впендюрились? – недоумевал Отингеев.

– Ага, – кивнул мужчина, – поток же еле ползёт!

Из машины в соседнем ряду девочка лет шести-восьми с увлечением наблюдала за происходящим на дороге. Пока стояли, Роман смотрел на нее, а потом автомобиль, в котором она ехала, спрятался за «газелью».

– И что там, на Украине? – спросил Отингеев от нечего сказать. – Какие настроения?

– Дурят народ так же, как и здесь! – махнул рукой пассажир. – Но здесь хоть бабки есть... А у нас... у нас, брат, экономика кончилась, понимаешь?

– Да всё везде одинаково и циклично! – уверенно заявил Роман. – Макиавелли об этом уже давно сказал!

Поток машин между тем постепенно оживился; местность за окном быстро менялась.

Отингеев включил радиопередачу.

– Запись, что ли? – вслушавшись, удивился пассажир.

Роман кивнул:

– Ага, запись.

– А то думаю, нежели я совсем того... Утром же крутили... – ответил пассажир.

– Вот на этом самом моменте утром я как раз чуть не врезался. И не по своей вине... Суку одну вёз на Рязанку. Она на меня жаловаться теперь собралась. На меня! – словно потеряв контроль над собой, последние слова Роман выкрикнул и, опомнившись, почувствовал себя неловко.

Пассажир, однако, с пониманием покачал головой:

– Бывает, бывает...

Роман, сконцентрировавшись на прослушивании записи, остаток пути проехал молча. Лишь изредка он шептал: «Да куда? Да где? Да где?..»

Прибыли в «Шереметьево».

– Вот вроде терминал D, – обрадовался пассажир, выглядывая из окошка такси. – Попадись другой водитель, наверное, опоздал бы! Спасибо, брат!

Он выскочил из машины и, запинаясь о комья мокрого снега, почти побежал в аэропорт. Отингеев был несколько удивлён: давно его не благодарили за поездку.

Опять включив утренние новости, он наконец-то рванул домой.

5

Дорога расплывалась в его глазах, становилась неровной. Глаз скоро привык, и это перестало ему казаться чем-то нереальным, каким-то визуальным дефектом. Отингеев чувствовал, как машина во время движения то поднимается, то опускается подобно лодке в море.

Роман говорил сам с собой:

– Да я бы другой состав поставил! Сигурдссона на фланг, пока он не уехал! У тебя в стране беда, а у нас – ха-ха! И работал бы уже давно у Павла Геннадьевича... Если б проститутку хоть раз подвёз, попросил за услуги... Жена б от меня всё равно ушла! Хоть у меня и машина плавает, видишь!.. А на поле в Норильске родном я давно насрал! Бегаете по говну моему, не жалуетесь!

Припарковавшись у дома, Отингеев поднялся в квартиру. В прихожей надолго завис перед зеркалом. Вновь ему казалось, что на него смотрит кто-то другой. Бледная кожа, усталый взгляд, мешки под глазами – словно на лицо нанесли грим.

На кухне среди обшарпанных стен распивал баклажку пива мужчина преклонных лет.

– Здравствуйте, Павел Геннадьевич! – плюхнулся на табуретку напротив него Роман.

– Вечер добрый! – отчеканил тот начальственным голосом. – Как день прошёл?

– Да так, ничего...

Вкратце Отингеев поведал, какую мерзкую бабу подвозил утром на Рязанский проспект. Затем надолго умолк, хлестал пиво стакан за стаканом. Только заканчивалась одна бутылка, он тут же открывал холодильник и переходил к следующей.

– Что-то ты совсем хмурый, Рома, – заметил Павел Геннадьевич.

Отингеев, покосившись на него хмельным взглядом, признался:

– Мне кажется, что я схожу с ума... Я, Павел Геннадьевич, когда ехал утром по Рязанке, слушал «Серебряный дождь»... передача шла...

На мгновение Отингеев поник головой и смолк, будто готовясь уснуть.

– И? – напомнил о себе Павел Геннадьевич.

– И... – вздохнул Роман. – И услышал голос дочери своей, Оксаночки... Она меня звала к себе во Флориду. Потом запись той передачи нашёл в интернете. Весь день её крутил, но Оксаночки там уже не было.

– Так, может, показалось тебе?

– Да нет, в том-то и дело! Это было реальнее, чем ты сейчас!

– Ну, это к психиатру... – недоуменно заметил Павел Геннадьевич.

– Ты что, издеваешься надо мной?! Да психиатры эти – балаболы все! Ничем они мне не помогут! – вскипел захмелевший Отингеев.

– Ты же людей возишь... – даже напрягся Павел Геннадьевич.

– И что?! – вскричал Роман. – Да у меня ни одной аварии не было! Ни одной царапины! И потом... кому сейчас легко?

Его слова заглушила распахнувшаяся с грохотом форточка. На улице буйствовала метель. Снег падал стеной. В кухню ворвался зимний воздух.

Роман, глубоко вдохнув, почувствовал головокружение.

– Нет, Отингеев, я тебе так скажу! – хлопнул ладонью по столу Павел Геннадьевич. – Мне больные водители не нужны! Пока голову не приведёшь в порядок, хрен тебе, а не работа! Ещё угробишь себя!..

Пока тот говорил, Отингеев не сводил с него глаз, при этом фигура Павла Геннадьевича всё увеличивалась и увеличивалась в размерах, пока не заполнила собой всю кухню.

– Завтра поедешь к психиатру! Мы это так не оставим! Понял меня? – строго сказал Павел Геннадьевич.

– Нет, извини, – вяло покачал головой Роман.

Он тяжело дышал. Теперь Отингееву казалось, что ему не хватает воздуха. На край стола через открытую форточку намело горстку снега. Он таял, превращаясь в лужицу. Роман тупо наблюдал за процессом, ему казалось, будто он впервые видит это.

Отингеев перевел взгляд на Павла Геннадьевича – тот, достигнув макушкой потолка, бесследно исчез из кухни.

– ...копать, – пробубнил Отингеев.

Протерев глаза, он долго смотрел в одну точку напротив себя. Затем навалился грудью на стол и уснул.

...Когда утром Роман сел в машину, Павел Геннадьевич был уже там.

– Ну, Отингеев! Даю тебе шанс, так уж и быть! Посмотрим сегодня на твоё поведение! Может, ты вчера перепил просто? Понимаю, все мы иногда даём сбой.

– Спасибо, Павел Геннадьевич! – улыбнулся мятый после вчерашнего Роман. – Вы меня извините! Сам не знаю, что на меня нашло!

Поехали по двору, вывернули на широкую улицу.

В ушах Отингеева звучали голоса каких-то женщин, показания спидометра вновь не вызывали доверия...

На дороге он агрессивно боролся за место в потоке, ювелирно вклиниваясь между транспортом всевозможных видов и скоростей. Правда, на Садово-Спасской, обгоняя автобус, чуть не врезался в Kia Rio.

Павел Геннадьевич недовольным голосом одернул Романа:

– Ну-ну! Не расстраивай меня!

Добавив газу, Отингеев промолвил:

– Нормально. Нормально всё.